Часть 9-я и последняя

Заключительным аккордом в продлившейся десятилетие «оратории» под названием «средняя школа» был выпускной вечер, который не прозвучал диссонансом. Вечер состоялся 22 июня 1955 года в помещении Дворца культуры милиции на Совнаркомовской улице (ныне ул. Жён Мироносиц). В этом замечательном здании, построенном по проекту знаменитого архитектора Алексея Бекетова и известном, как особняк семьи Алчевских, и прошло наше прощание со школой.

Дворец культуры милиции, г.Харьков (современный снимок)

Мой отец Али-бек Заир-Бек, одна из его последних фотографий, 1955 г.

Всё было, как положено на таком мероприятии: звучали напутственные речи учителей, благодарственные родителей и учеников-отличников, новый директор школы Илларион Яковлевич Салтовец вручал медалистам их заслуженные награды. А в заключение был большой концерт, в котором приняли участие профессиональные актеры, певцы, музыканты из харьковских театров и филармонии. Эту часть вечера, по просьбе завуча школы Розы Михайловны Сорокиной, организовал мой отец, пригласив на него действительно самых лучших мастеров сцены.

Окончена школа, получен аттестат зрелости, настала пора размышлений о своем будущем и время действий. Я родился и вырос в театральной семье, в которой актерами и режиссерами были дедушка, бабушка, мои родители, дядя и целая актерская династия Либаковых, путь которых на театральную сцену начинался ещё в конце XIX века. И всё это ещё с юных лет определило для меня мой дальнейший жизненный путь: в Харьковский театральный институт! Причем не на актерский факультет («в артисты»), как можно было бы подумать. И даже не на режиссерское отделение, а на театроведческий факультет, потому что я очень хотел стать театральным критиком. Но этому категорически воспротивился мой отец.

Как я вскользь упомянул раньше, он это объяснял, в частности, тем, что театральные критики – это, якобы, нищие люди, не имеющие постоянной работы и перебивающиеся случайными заработками. И отец, с его жестким характером, добился своего: под его давлением я отнес документы не в Театральный институт, а в Университет. Много позже я понял, что само словосочетание

«театральный критик», начиная с 1949 г., с начала кампании против «безродных космополитов», стало действовать на отца магически, так как таило в себе опасность репрессий со стороны советской власти.

Харьковский театральный институт, ул. Сумская, 34 (снимок 1950-х гг.)

Летом 1955 года произошёл эпизод, характеризующий страх, постоянно преследовавший моего отца. О причинах этого страха я подробно рассказал в семейной саге «Всемирная история одной еврейской семьи». Так как я окончил школу с золотой медалью, то, без проблем пройдя собеседование на ведущей кафедре, без экзаменов поступил в Харьковский госуниверситет им. М.Горького, на радиофизический факультет. Но буквально через неделю из приемной комиссии ХГУ пришло письмо, в котором практически без указания причины сообщалось о том, что я отчислен. Отец сказал тогда со вздохом: «Это всё из-за Симеиза». Дело в том, что в его паспорте образца 1954 года посёлок Симеиз Крымской губернии был указан как место его рождения. Поэтому он и имел в виду, что отчисление произошло из-за его якобы крымско-татарского происхождения. В этот день из-за волнений я долго не мог заснуть и видел, что на письменном столе отца долго горела лампа, а он сам перебирал какие-то документы. Утром я увидел на столе металлический поднос с горкой пепла и сожженной бумаги и обнаружил, что из семейного альбома исчезли детские и юношеские фотографии

отца. Какие ещё документы он уничтожил, мне не известно. Надо сказать, что в семье от меня тщательно скрывали еврейское происхождение отца, о многом я узнал уже после его смерти, от матери и от тёти…

Картинная галерея им. Айвазовского, Феодосия (современный снимок)

После неудачи в Университете я, по совету друга отца, инженера И.С. Фрейдмана, подал документы в Политехнический институт (ХПИ), на машиностроительный факультет, и, как медалист, был без проблем быстро зачислен. После этого я, по приглашению моего сводного брата Азата, почти три недели гостил у него в Феодосии, где он тогда служил. Осматривал достопримечательности этого стариннейшего черноморского города, посещал музеи – картинную галерею Айвазовского и археологический музей. Конечно, я отлично пообщался с родственниками, много купался в море, загорал, в общем, неплохо отдохнул перед предстоящей учебой в Политехническом институте.

Но еще до начала учёбы мне предстояло отработать короткий «трудовой семестр». Пока обычные абитуриенты сдавали в августе вступительные экзамены, медалистов, зачисленных в ХПИ без экзаменов, решили использовать, как «дармовую» рабочую силу. При этом иногородних направили на сельскохозяйственные работы в Харьковскую область, а харьковчан – на различные стройки в городе. Я попал на разборку старых зданий общежитий, разрушенных ещё во время войны, во дворе студенческого городка «Гигант» на

Пушкинской улице.

Наступило 1 сентября 1955 года. Первый раз в жизни, уже как студент-первокурсник, я вошел в институтскую аудиторию. Как сейчас помню ее, это была 29-я аудитория главного аудиторного корпуса, огромная, более, чем на 200 человек, со скамьями, расположенными амфитеатром. Начались первые контакты с однокурсниками, с которыми предстояло жить и учиться следующие пять лет. И сразу же пришлось окунуться в новые сложные дисциплины – высшую математику, начертательную геометрию, техническое черчение.

Моя группа, парк ХПИ, сентябрь 1955 г.

«Кукурузная гвардия», Херсонская обл., осень 1955 г.

Но это продолжалось недолго, всего 10 дней, после чего всех студентов, не только первокурсников, а вообще всех, сняли с занятий и отправили на уборку кукурузы. Напомню, что это было время экспериментов Хрущёва, в данном случае, широкого, и часто бездумного, внедрения кукурузы, «королевы полей», как её тогда называли.

Обед на полевом стане, Херсонская обл., сентябрь 1955 г.

Наша колхозная «эпопея», проходившая в селе Большая Лепетиха Херсонской области, длилась месяц. Не буду долго томить читателей описанием нашей колхозной жизни. Скажу только, что ручная уборка кукурузы – это очень тяжелая работа, а нормы выработки были высокими. Но и бытовые условия оставляли желать лучшего: жили – кто где, питались прямо на полевом стане. Особенно тяжело, на первых порах, было городским ребятам, не привыкшим к такой работе под палящим херсонским солнцем по 10 часов в день. Правда, кормили нас, по тем небогатым временам, весьма прилично. К нашей бригаде «прикомандировали» несколько уже немолодых колхозниц, которые были нашими кухарками. Они готовили для нас обычную крестьянскую еду – традиционный украинский борщ, картошку с мясом, соленые огурцы. Из местной пекарни привозили пышные и очень вкусные караваи – украинскую «паляныцю». А на «десерт» были замечательные херсонские арбузы, по-украински «кавуны», сочные и сладкие.

Надо сказать, что Большая Лепетиха расположена в очень живописном месте, на берегу Днепра, относительно недалеко от тогда только строящейся Каховской ГЭС. За хорошую работу председатель колхоза (запомнилась его фамилия – Попов) премировал нас поездками по воскресеньям на экскурсии – на стройку плотины

ГЭС, в заповедник и в Ботанический сад Аскания Нова, на сельхозвыставку. Конечно, это были не автобусные экскурсии, а поездки на открытой грузовой машине по пыльным просёлочным дорогам Херсонщины. (

Сельскохозяйственная выставка, с. Б. Лепетиха Херсонской обл., октябрь 1955 г.

С однокурсницей, Харьковский политехнический институт, 1955 г.

Только к середине октября мы вернулись в Харьков и смогли приступить к занятиям, навёрстывая упущенное время. До конца первого семестра оставалось уже чуть больше двух месяцев…

В августе 1955 г. мой отец отдыхал и лечился в Пятигорске. В сентябре и октябре Областной театр, которым он руководил, был на непростых гастролях в Донбассе, отец побывал с театром в нескольких городах. Утром 7 ноября 1955 г. он был на военном параде и праздничной демонстрации, посвященных годовщине Октябрьской революции, которые проходили в центре Харькова, на огромной площади им. Дзержинского. Отец почему-то любил эти мероприятия, особенно парады. Возможно, сказывалась его армейская молодость, служба в армии Азербайджана в период Гражданской войны. После демонстрации папа и мама были в гостях у наших друзей, а у нас дома в это время проходила студенческая вечеринка, которую я организовал для моих однокурсников. Часам к 11 вечера отец пришёл домой, помог нам удобней разместиться в комнате, даже потанцевал с девушкой под музыку, звучащую из электропроигрывателя. Вдруг ему стало плохо, он попросил меня накапать ему «сердечные» капли, затем схватился за сердце, оперся на стену и сполз по ней на пол. Он умер у меня на руках. Как потом установило вскрытие, причиной смерти было кровоизлияние в мозг. В областных газетах «Красное знамя» и «Соціалістична Харківщина» были опубликованы некрологи о театральном деятеле Али-беке Заир-Беке.

Отец был похоронен со всеми почестями на кладбище №2 в Харькове. Азат, старший сын папы, служивший в Феодосии, сумел приехать на похороны, а младший Али, к сожалению, не смог отпроситься со службы. На прощальном вечере у нас дома папины коллеги – директора всех харьковских театров, цирка и филармонии, сказали много самых теплых слов в адрес отца.

На этом моё детство и закончилось. И сразу, минуя юношескую пору, пришлось шагнуть во взрослую жизнь, помогать маме, не забывая и о том, что надо хорошо учиться, чтобы достичь чего-то в жизни. Но это уже совершенно другая история.

Могила моих родителей на кладбище №2 в Харькове

*****

Автор: Якуб Заир-Бек
фотографии из личного архива автора

Все части цикла очерков „По волнам моей памяти…“